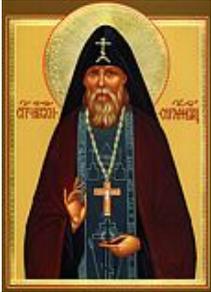

Преподобный Серафим Вырицкий

День памяти: 21 марта

Серафим
Вырицкий

Преподобный Серафим Вырицкий (в миру Василий Николаевич Муравьев) родился 31 марта 1866 года в деревне Вахромеево Арефинской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии. Уже 1 апреля 1866 года при крещении он был назван Василием в честь преподобного Василия Нового, исповедника.

Родители мальчика, Николай Иванович и Хиония Алимпьевна Муравьевы, были истинно верующими, богобоязненными людьми. Для супругов Муравьевых Православие было не просто внешним благочестием и обрядом, но глубоким и сокровенным внутренним бытием. От младенчества Василий получал уроки добродетели. С детских лет в мальчике проявились те свойства христианской души, которые во всей полноте раскрылись в зрелые годы.

Человеколюбивый Господь даровал ему сообразительность, необыкновенное усердие, терпение и настойчивость в достижении цели, а также удивительную память. В раннем возрасте мальчик практически самостоятельно освоил грамоту и начала математики. Первыми его книгами стали Евангелие и Псалтирь.

В юности Василий зачитывался житиями святых, которые тогда продавались в виде маленьких разноцветных книжечек. Особенно поражала его воображение жизнь пустынных отшельников. Святые Павел Фивейский, Антоний, Макарий и Пахомий Великие, Мария

Египетская... Эти имена рождали в отроке трепетное благоговение и радость. Уже тогда, открылся для него чудный таинственный мир, перед которым померкло все земное. В сокровенных глубинах чистой детской души зародилась мысль о принятии монашеского, ангельского образа. Для ближних это намерение до поры оставалось тайной.

Будучи рачительными хозяевами, родители Василия вместе с тем не были привязаны к так называемым материальным ценностям. Они всегда были готовы помочь нуждающимся, приютить странников, обогреть и накормить бедных. И Василий рос таким же трудолюбивым и сердечным.

В доме Муравьевых всегда строго соблюдали все установления Православной Церкви. С девятилетнего возраста и отрок Василий постился вместе со взрослыми. В воскресные и праздничные дни семья неукоснительно посещала храм Божий, исповедовалась и причащалась Святых Христовых Тайн.

Когда позволяло время, Муравьевы всей семьей совершали паломнические поездки ко святым местам – к храмам и монастырям. С особой радостью посещали они Свято-Троицкую Сергиеву лавру, в Гефсиманском скиту которой подвизался знаменитый старец Варнава (Меркулов). Это был мудрый учитель и великий молитвенник, к которому устремлялись верующие со всей России. «Без Бога ни до порога!» – любил назидать народной мудростью своих посетителей отец Варнава. Эти слова приняла душа отрока за правило жизни.

Так, как бы незаметно, заложил Премудрый Господь в сердце Василия с малых лет семена подлинной христианской нравственности и духовности. Они упали на благодатную почву...

Неожиданно на семью обрушилась скорбь – Господь призвал от земных трудов Николая Ивановича Муравьева, находившегося в расцвете лет. Ему шел тогда сороковой год. Близкие тяжело переживали утрату. Мать Василия была женщиной болезненной, а от случившегося ее состояние еще ухудшилось. Василию пришлось

стать кормильцем семьи. В ту пору Муравьевы в полной мере испытали все скорби, сопутствующие бедности...

Вскоре милость Божия посетила бездоленную семью: односельчанин, благочестивый и добрый человек, работавший старшим приказчиком в одной из лавок Санкт-Петербурга, пригласил отрока в столичный город на заработки. При этом он обещал, как тогда говорили, «вывести Василия в люди». Мать со слезами благословила сына на поездку иконой Пресвятой Богородицы, и десятилетний Василий покинул родные края.

Большой город Петербург... После размеренного крестьянского быта нелегко было Василию привыкнуть к водовороту столичной жизни. Однако врожденные способности, дарованные от Господа, помогли ему. С помощью своего благодетеля отрок получил работу рассыльного в одной из лавок Гостиного двора. С первых же шагов Василий проявил такое усердие, исполнительность и старательность, что заслужил полное доверие хозяина. В дальнейшем владелец конторы, где работал отрок, стал поручать ему все более и более сложные дела, которые Василий, с Божией помощью, всегда выполнял с усердием и в срок. Почти все свое жалование Василий отсылал на родину больной матери, оставляя себе лишь малую часть на самые неотложные нужды.

По-прежнему владело Василием неугасимое стремление к монашеской жизни. Настал момент, когда оно охватило его с непостижимой силой. Ему было тогда около четырнадцати лет. В горячем порыве пришел он в Александро-Невскую лавру и просил о встрече с наместником. Однако игумен в тот день отсутствовал. В ту пору в лавре подвизалось несколько старцев-схимников, известных во всей России. Василию предложили встретиться с одним из них. На коленях, со слезами поведал отрок старцу о своем заветном желании. В ответ же услышал наставление, оказавшееся пророческим: до поры оставаться в миру, творить богоугодные дела, создать благочестивую семью, воспитать детей, а затем, по обоюдному согласию с супругой, принять монашество. В заключение старец сказал: «Васенька! Тебе суждено еще пройти путь мирской, тернистый, со многими

скорбями. Соверши же его перед Богом и совестью. Придет время, и Господь вознаградит тебя...» Так была явлена Василию воля Божия. Вся дальнейшая его жизнь в миру стала подготовкой к жизни иноческой. Это был подвиг послушания, который длился более 40 лет.

Часы, свободные от мирских трудов, он любил проводить в храме или читал душеполезные книги, молился. Постоянно занимался отрок и самообразованием, в чем помогали ему удивительная память, природная сообразительность и настойчивость в достижении цели. Необычайную расположенность имел он к историческим наукам, которые стали предметом его особого интереса. Обладая хорошими математическими способностями, Василий быстро овладевал и коммерческими дисциплинами, успешно сочетая теорию с практической деятельностью.

При первой же возможности он выезжал на родину и помогал матери содержать дом и хозяйство в исправном состоянии. Всегда поддерживал ее материально и хранил к ней нежные сыновние чувства, постоянно поминая ее в своих молитвах.

Хозяин Василия был человеком благочестивым и всячески приветствовал его богоугодную жизнь. Он высоко ценил нравственные и деловые качества своего работника – необычайное трудолюбие, исполнительность и несомненный коммерческий талант. Когда Василию исполнилось 16 лет, он назначил юношу на должность приказчика, а еще через год Василий Николаевич стал старшим приказчиком. В будущем же владелец конторы возлагал на него надежды как на компаньона. Это был удивительный и редчайший случай, ибо для того чтобы дослужиться до старшего приказчика, обычно требовалось не менее 10 лет.

По служебным делам молодому приказчику приходилось выезжать в Москву, Нижний Новгород и другие города России. Тогда, по согласованию с хозяином, посещал он святые места, находившиеся поблизости. Неизменно бывал он и в обители Преподобного Сергия Радонежского, чтобы поклониться великому печальнику земли Русской и принести ему свои молитвы. Богомольцы, посещавшие

Сергиеву Лавру, всегда старались побывать и в Гефсиманском скиту, чтобы поклониться чудотворному Черниговскому образу Божией Матери и получить благословение и совет любвеобильного старца Варнавы. Сам Господь вновь привел юношу к отцу Варнаве, и после продолжительной беседы духоносный старец благословил Василию быть его духовным сыном.

Вот такого несравненного наставника даровал Всемиловитый Господь Василию Муравьеву. Около 20 лет продолжалось их духовное общение во славу Божию. Когда позволяли дела, Василий Николаевич спешил в Гефсиманский скит, если там в это время находился его наставник; а отец Варнава, посещая Санкт-Петербург, всегда бывал в доме у молодого коммерсанта.

По благословению отца Варнавы Василий постоянно совершенствовал себя в чтении молитвы Иисусовой, все время старался блюсти чистоту ума и противостоять греховным помыслам, а его духоносный наставник всегда помогал ему советами и святыми молитвами, оберегая молодого подвижника от мирских соблазнов и готовя его ко вступлению в будущем на иноческий путь.

Пока же Василию необходимо было выбрать себе спутницу жизни. Ею стала Ольга Ивановна, с которой в 1890 году по благословению отца Варнавы Василий и обвенчался.

Господу было угодно, чтобы молодой подвижник, прежде чем отречься от мира и его забот, усовершенсился бы на поприщах семейного и коммерческого служений. В 1892 году Василий Николаевич открыл собственное дело. Обладая большим опытом и имея прочные торговые связи, он организовал контору по заготовке и продаже пушнины. Значительная часть товара поставлялась за границу – в Германию, Австро-Венгрию, Англию, Францию и другие страны.

Торговля требовала недюжинных сил и способностей. Мало было ждать покупателя к себе в лавку, нужно было искать его в различных концах России и за рубежом, применяться к его

требованиям, прислушиваться к желаниям.

Господь даровал Василию Николаевичу удивительную способность – умело совмещать попечения о земном с задачами духовными. И еще – быть преданнейшим сыном своей Отчизны, стремящимся сделать все возможное для ее блага и процветания. Его любовь к России и ее народу была воистину безгранична.

Имея незаурядные способности, Василий Николаевич, тем не менее, не стремился к богатству и мирским почестям. Торговая деятельность была для него не способом умножить капитал, а необходимым средством для оказания помощи Церкви и ближним. Молодой предприниматель всегда старался всемерно повышать уровень знаний и эрудиции. В 1895 году он стал действительным членом Общества для распространения коммерческих знаний в России и поступил на Высшие коммерческие курсы, организованные при обществе.

Деятельность общества отличалась патриотической направленностью. Его члены считали своим долгом прежде всего всемерно содействовать Императору и правительству в области национального экономического развития. Государь, со своей стороны, также находил работу общества весьма полезной и своевременной, и в 1896 году выделил из личных средств 100 000 рублей на его развитие. Это было время, когда заморские предприниматели, в частности знаменитый Генри Форд, учились у русских купцов и промышленников. Россия диктовала уровень мировых цен на многие виды сырья, промышленной и сельскохозяйственной продукции, а золотой рубль стараниями Государя Императора Николая II был самой весомой в мире валютой...

Русское купечество всегда было носителем национальных традиций и хранителем православной культуры. Оно славилось делами милосердия и благотворительности. Это был созидательный слой, который, стоя на прочном фундаменте православной веры и любви к Отчизне, помогал Русским Государям строить великую державу.

Успешно закончив курсы в 1897 году, Василий Николаевич Муравьев приобрел хорошее образование, дававшее глубокие знания и широкий кругозор. Несомненно, оно немало помогало ему и в дальнейшем, уже после вступления на иноческий путь, когда на монастырских послушаниях и в беседах с людьми приходилось встречаться со множеством практических вопросов.

До 1914 года супруги Муравьевы числились крестьянами Ярославской губернии, имевшими вид на жительство в столице и занимавшимися там купеческим промыслом по сословному свидетельству 2-й гильдии. Существовало в ту пору еще такое сословное понятие – «временный Санкт-Петербургской 2-й гильдии купец». Такой «временный» статус, впрочем, не мешал чете Муравьевых находить общение в самых различных кругах петербургского общества и быть глубоко уважаемой и любимой многими.

Ольга Ивановна, будучи внешне весьма женственной, характер вместе с тем имела твердый и решительный. Известно, что она немало помогала супругу в торговых делах, а во время отсутствия Василия Николаевича в Петербурге успешно руководила работой предприятия. Василий Николаевич старательно подбирал себе в сотрудники верующих православных людей, и оттого в отношениях между хозяевами и служащими всегда царил дух Христовой любви.

В 1895 году в их семье родился сын Николай, а затем появилась на свет и дочь Ольга. Однако последняя отошла ко Господу еще младенцем, и после ее кончины по обоюдному согласию и благословию отца Варнавы Василий и Ольга стали жить, как брат и сестра. Молитвы духовного отца помогали им устоять в этой решимости.

В семье Муравьевых уже тогда сложился обычай – после литургии в дни двенадцатых праздников, праздников в честь чудотворных икон Божией Матери и чтимых святых в доме накрывали многие столы с самыми разнообразными кушаньями и зазывали с улицы на трапезу всех неимущих. После чтения «Отче наш» Василий

Николаевич обычно произносил небольшую речь, рассказывая историю и смысл наступившего праздника, а затем поздравлял всех, кто пришел под кров его дома. После трапезы и благодарственных молитв ко Господу хозяин всегда благодарил присутствующих за то, что они посетили его дом. На дорогу супруги обычно щедро наделяли гостей деньгами, вещами, продуктами и приглашали к следующему празднику. Будучи верным учеником отца Варнавы, Василий Муравьев убежденно говорил: «Все зло надо покрывать только любовью. Чем ты ниже саном, беднее, тем ты мне дороже...» Один Бог ведает, сколько нищих и убогих от всего сердца поминали в своих простых молитвах, обращенных ко Господу, имена Ольги и Василия и испрашивали здоровья и спасения своим благодетелям.

Помогая ряду храмов и обителей, Василий Николаевич, как милосердный самарянин (Лк. 10, 35), постоянно вносил пожертвования на содержание нескольких богаделен, самая крупная из которых находилась на Международном (ныне Московском) проспекте при Воскресенском Новодевичьем монастыре. При малейшей возможности дружные супруги, искренне сострадавшие чужому горю, посещали эти дома призрения, утешая одиноких и беспомощных теплым участием, раздавая гостинцы и духовные книги.

Муравьевы не раз принимали к себе болящих из казенных больниц. Страждущим было несравненно легче поправляться в домашних условиях. Сердечное участие и искренняя любовь творили чудеса – безнадежно упавшие духом и истощенные тяжкими недугами люди вставали на ноги и возвращались к деятельной жизни. Василий и Ольга никогда не навязывали ближним своих убеждений и строгостей духовных. Сама их подлинно христианская жизнь служила к назиданию окружающих.

1903 год. Дивен Бог во святых Своих! (Пс. 67, 36). Невозможно передать словами все то, что ощутили верные чада Церкви на торжествах прославления преподобного Серафима Саровского. В те незабываемые дни вся Россия, сохранившая верность Христу, во главе с Государем Императором и членами Августейшей фамилии

пришла поклониться смиренному Серафиму.

Сподобил Господь и Василия с Ольгой побывать тогда в Саровской обители. На всю жизнь сохранили благоговейную память о великих Серафимовских днях благочестивые супруги Муравьевы. Василий Николаевич от юности своей глубоко почитал батюшку Серафима. Он всегда помнил слова преподобного о том, что истинная цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святого Божия.

С душевной отрадой взирал отец Варнава на духовное преуспеяние Василия Муравьева и щедро делился с ним духовным опытом, готовя к иночеству. Годы, проведенные под руководством старца, стали тем временем, когда был заложен прочный фундамент, на котором происходило дальнейшее духовное возрастание Василия Муравьева.

В начале 1906 года отец Варнава тяжело занемог. Предчувствуя близкую кончину, он в последний раз посетил основанную им Иверско-Выксунскую женскую обитель и Петербург. В северной столице батюшка Варнава всегда был желанным гостем. В Петербурге старец провел два дня, встречаясь со своими любимыми «детками», благодаря их за любовь к нему и благодеяния обители Иверской, прося их не оставлять ее впредь своей помощью. В те дни Василий Николаевич и Ольга Ивановна в последний раз видели своего духовного отца. 17 февраля старец почил о Господе.

Кроме советов и наставлений в наследство от отца Варнавы Василию Николаевичу досталась удивительная дружба. Настоящим другом Василия Муравьева стал архимандрит Феофан (Быстрое), духовник Царской семьи и будущий архиепископ Полтавский, бывший в те годы инспектором Санкт-Петербургской духовной академии. Их знакомство состоялось через отца Варнаву, окормлявшего обоих.

Сродное познается сродным – будущий святитель сразу увидел в Василии Муравьеве качества истинного боголюбца и смиренного

подвижника. Кроме того, их сближал интерес к наукам. Василий Николаевич всегда любил историю, и здесь архимандрит Феофан как профессор библейской истории был для него несравненным собеседником и наставником. Единомысленные ученики батюшки Варнавы много размышляли о настоящем дне России и возможных перспективах, делились друг с другом наблюдениями и духовным опытом, который давал Господь подвижникам на путях их аскетического делания.

В 1905 году Василий Николаевич Муравьев стал действительным членом Ярославского благотворительного общества – одного из крупнейших в России. Постоянными участниками общества являлись многие известные в то время иерархи и деятели Русской Православной Церкви, включая отца Иоанна Кронштадтского. В 1908 году в Общество вступил Высокопреосвященный Тихон, впоследствии Патриарх Московский и всея России, принявший тогда к управлению Ярославскую кафедру.

Служение в обществе требовало от его членов не только материальной благотворительности, но и глубокой христианской любви к ближнему. Ведь обращавшиеся в общество со своими скорбями нуждались не только в земных благах, но и в духовной поддержке.

В течение многих лет Василий Николаевич Муравьев вносил свою лепту в добрые дела, совершаемые обществом. Однако по традиции в отчетах общества, как и во многих благотворительных реестрах того времени, пожертвования нередко записывались без указания имен благотворителей. Многочисленные пожертвования Василий Николаевич старался совершать втайне от окружающих. Случалось, что он не раздумывая отдавал из дома последнее и при этом радовался несказанно.

И вот грозный 1917 год. Для России наступило время тяжелых испытаний. Многие состоятельные знакомые Муравьевых поспешили перевести капиталы за границу и стали покидать страну, надеясь пережить смутные времена за рубежом. Для Василия Муравьева подобного выбора не существовало – он всегда был готов

разделить любые испытания с горячо любимой Отчизной и своим народом.

Пришла пора лютых гонений за веру, предсказанная многими угодниками Божиими. К 1920 году число убиенных за веру достигло десяти тысяч.

В течение трех лет после октябрьского переворота семья Муравьевых проживала по большей части за городом. Еще в 1906 году Василий Николаевич приобрел большой двухэтажный дом-дачу в живописном поселке Тярлево, расположенном между Царским Селом и Павловском. До 1920 года он стал главным пристанищем Василия и Ольги – оставаться в столице было крайне опасно. Мятеж и перемена власти лишили Муравьевых торгового дела, и в этот период времени Василий Николаевич, свободный от мирских забот, как бы подытоживает прожитые годы, погружается в чтение творений святых отцов, изучение монастырских уставов и богослужебных книг, уединенную молитву.

Верный ученик преподобного Варнавы Гефсиманского сперва собирался поступить в Свято-Троицкую Сергиеву лавру, чтобы подвизаться у мощей своего духоносного наставника в Гефсиманском скиту. Однако Господь судил иначе. Василий Николаевич неожиданно получил благословение митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина на принятие монашеского пострига в Александро-Невской лавре. Как оказалось, такой поворот дела был для него спасительным. Обитель Преподобного Сергия вскоре была упразднена властями. Так Промыслом Божиим Василий Николаевич остался в Петрограде!

13 сентября 1920 года В. Н. Муравьев подал прошение в Духовный Собор Александро-Невской лавры с просьбой принять его в число братии, на что получил согласие и первое монастырское послушание – послушание пономаря. В это же время послушницей Воскресенского Новодевичьего монастыря стала супруга Василия Николаевича Ольга. Все имевшееся Муравьевы пожертвовали на нужды обителей. Только в Лавру Василий Николаевич передал 40 000 рублей в золотой монете – по тому времени целое состояние!

Уже 26 октября владыка Вениамин благословил постричь в монашество послушника Василия Муравьева одновременно с Ольгой Муравьевой. 29 октября 1920 года наместник Лавры архимандрит Николай (Ярушевич) постриг послушника Василия Муравьева в монашество с наречением ему имени Варнава в честь духовного отца, старца Варнавы Гефсиманского. Тогда же в Воскресенском Новодевичьем монастыре Петрограда была пострижена в монашество Ольга Ивановна Муравьева с наречением ей имени Христина.

Вскоре брата Варнаву рукоположили в иеродиакона, поставив заведовать кладбищенской конторой. Послушание на кладбище доставшееся отцу Варнаве, было одним из наиболее сложных в обители. Страну охватило пламя междоусобной брани. Красные убивали белых, белые убивали красных. На Никольском, Тихвинском и Лазаревском кладбищах плач стоял непрерывный. В храмах Александро-Невской Лавры отпевание следовало за отпеванием, панихида за панихидой.

Провожать почивших, утешать родных и близких погибших... Это была первая школа духовного врачевания и наставничества, которую прошел будущий отец Серафим, вырицкий старец-утешитель, молитвенник за сирот и страждущих, предстатель пред Господом за всю землю Русскую.

Активное участие принимал отец Варнава в деятельности Александро-Невского братства защиты святой православной веры – самого массового церковно-общественного движения Петрограда начала 20-х годов. Иеромонахи Гурий и Лев (Егоровы), стоявшие у истоков братства, были ближайшими духовными соратниками иеродиакона Варнавы, особенно отец Гурий, впоследствии – митрополит.

Это время для Александро-Невской Лавры было крайне тяжелым. Богоборцы постоянно вмешивались в монастырские дела, чинили, как только могли, различные административные препоны.

Тем не менее монашеская жизнь в Лавре не только не угасла, но переживала небывалый подъем. Обитель была настоящим центром

церковной жизни Петрограда – открылся пункт сбора средств для помощи голодающим, часть помещений Лавры была отведена для инвалидов войны, шел сбор пожертвований от богомольцев на содержание детей, оставшихся без родителей, неимущие ежедневно обеспечивались бесплатными обедами. Работу пункта питания для голодающих вместе с иеромонахом Гурием организовал отец Варнава.

Именно в это время сложились удивительной теплоты отношения между лаврским иеродиаконом Варнавой и митрополитом Вениамином. Смиранный и кроткий, владыка был человеком удивительной доступности. В обычае у него были ежедневные прогулки по Никольскому кладбищу Лавры, где находилась контора отца Варнавы. Таким образом подвижники имели возможность часто видаться и беседовать о многом.

11 сентября 1921 года, в день усекновения главы святого Иоанна Предтечи – подвигоположника и покровителя монашества – митрополит Вениамин возвел отца Варнаву в иеромонаха.

Вместе с благим игом священства понес иеромонах Варнава и новое послушание – главного свечника Лавры. Должность была весьма хлопотная и ответственная. В полной мере пригодились здесь отцу Варнаве прежние коммерческие знания и навыки. Однако, участвуя в хозяйственных делах лавры, отец Варнава никогда не забывал об иноческом делании – о молитве и духовном совершенствовании, а также о долге священника.

Служение отца Варнавы всегда отличалось неподдельной искренностью. Как вспоминают очевидцы, за Литургией лицо его озарялось духовной радостью, и не случайно, что на богослужения с участием иеромонаха Варнавы (Муравьева) всегда собиралось множество народа. Все стремились послушать его проповеди, отличавшиеся простотой и доступностью. Сказывался многолетний опыт подвижничества в миру. Бывший петербургский купец хорошо знал жизнь людей разных сословий от простолюдина до утонченного интеллигента, их духовные нужды и затруднения. Именно в это время души многих верующих потянулись к простому

и кроткому отцу Варнаве. Все шире становился, круг его духовных чад, а у дверей его келий все чаще стали появляться посетители, пришедшие за духовным советом и утешением.

Руководство преподобного Варнавы Гефсиманского, приобщение к церковной традиции и опыту святых отцов послужили кратчайшим и удобнейшим путем его восхождения к старчеству.

20-е годы... Для Русской Православной Церкви это было время особых испытаний – время, когда познавалась истинная крепость людей. Репрессии против духовенства и монашествующих, насильственное изъятие церковных ценностей, ущемление духовного сословия в гражданских правах... Никто из иноков Лавры, выходя утром к богослужениям и на послушания, не был уверен, что вернется к вечеру в свою келию.

Особой скорбью отозвались в душе отца Варнавы аресты его ближайших друзей и сподвижников: владыки Петроградского Вениамина, епископа Ладожского Иннокентия, епископа Ямбургского Алексия (Симанского), епископа Петергофского Николая (Ярушевича), архимандритов Гурия и Льва, иеромонаха Мануила, многих других братчиков и насельников лавры.

Вместе с арестами пришли новые скорби, на этот раз связанные с обновленческой смутой. 17 июля 1922 года, едва только отец Варнава успел вернуться из поездки к матери на родину в Ярославскую губернию, в Лавру явился обновленческий «архиепископ»-самосвят Николай Соболев и заявил о своих правах на Лавру, потребовав прекратить возношение за богослужениями в Лавре имени Святейшего Патриарха Тихона. Власти явно потворствовали обновленцам. «Красными двадцатками» была захвачена даже часть лаврских храмов и строений. Вслед за этим обновленцы попытались образовать свой «церковный совет», чтобы взять власть в Лавре в свои руки или, по крайней мере, ограничить полномочия монашеского Духовного Собора Лавры.

Сознавая, что само существование Александро-Невской Лавры находится под серьезной угрозой, архимандрит Иоасаф,

управлявший тогда обителью, основные усилия направил на то, чтобы отстоять Лавру от разорения и сохранить братию. Решение, принятое им, было компромиссным: формально признать обновленческое «епархиальное управление» и прекратить поминование Патриарха Тихона за богослужениями, однако вместе с тем управлять Лаврой самостоятельно и не допускать никаких новшеств, широко практикуемых обновленцами.

Среди лаврской братии возникли разногласия. И в этот момент иеромонах Варнава (Муравьев), духовник обители архимандрит Сергей (Бирюков) и иеромонах Варлаам (Сацердотский), пользовавшиеся большим духовным авторитетом и уважением в Лавре, выступили с увещанием пребывать в послушании руководству Лавры. Они призывали братию не вступать с раскольниками в евхаристическое общение, но вместе с тем принять временные внешние уступки, ибо в противном случае братии угрожают немедленные репрессии, а монастырь будет неминуемо упразднен и разграблен богоборцами. Время доказало правильность их выбора. После освобождения из заточения в июне 1923 года святителя Тихона Лавра вернулась под патриарший омофор. Стараниями ее руководителя архимандрита Иоасафа, поддержкой отца Варнавы (Муравьева) и его сподвижников удалось сберечь обитель, а братия, пройдя многочисленные скорби и испытания, укрепились духом и была готова послужить Господу с новым усердием.

Нелегко было монашествующим сохранять внутренний мир в это смутное время. Тем заметнее для всех в Лавре были спокойствие отца Варнавы и его покорность воле Божией, удивительным образом сочетавшиеся с непреклонной решимостью следовать истине. Вместе с духовником обители архимандритом Сергием (Бирюковым) в эти тревожные годы он стал настоящей опорой для братии, тяжело переживавшей как нападки на Церковь извне, так и внутрицерковные разделения и соблазны.

Во всем: и в молитве, и на послушании, и в самоотверженном служении людям – подавал отец Варнава пример истинно монашеской ревности о Господе, трудолюбия и терпения. Отдавая

безусловное предпочтение духовному, отец Варнава вместе с тем служил образцом собранного и скрупулезного ведения монастырских дел.

Неудивительно поэтому, что в скором времени после описанных событий руководство и братия Лавры решили избрать иеромонаха Варнаву (Муравьева) членом Духовного Собора с назначением его на один из ключевых административных постов лавры – пост казначея.

Как ни стремился отец Варнава к уединению и отрешению от мирских забот, тяжелейшая работа распорядителя денежных средств обители, связанная с постоянной ответственностью за ее финансовое положение и взаимоотношения с властями и официальными инстанциями, была принята им с истинно монашеским смирением и послушанием воле Божией.

Немалых сил стоило и участие в Духовном Соборе Лавры, заседания которого проходили 3-4 раза в месяц. Как удавалось неутомимому подвижнику совмещать свои послушания с непрестанной молитвой, богомыслием и пастырской деятельностью, остается тайной, известной только Господу.

В течение второй половины 1926 года архимандрит Сергей (Бирюков) стал готовить отца Варнаву к принятию послушания духовника. С любовью наставлял он своего преемника, который с ответной любовью принимал эти наставления.

Требования, которые предъявлялись к духовному руководителю Лавры, были весьма высокими. В «Определении о монастырях», принятом на Всероссийском Поместном Соборе 1917-1918 годов, говорилось о необходимости иметь в обители старца, начитанного в Священном Писании и святоотеческих творениях, способного к духовному руководству. По традиции члены епископата Петроградской и Новгородской епархий окормлялись у духовника Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры. Уже само слово «старец» обязывало к очень и очень многому...

Поэтому перед тем как начать свое старческое служение, отец

Варнава выразил желание облечься в великую схиму. Точная дата принятия отцом Варнавой (Муравьевым) великого ангельского образа пока не установлена. Известно, что произошло это на рубеже 1926-1927 годов. При постриге в великую схиму он был наречен именем Серафим в честь преподобного Серафима Саровского, чудотворца, которому всеми силами стремился подражать отец Варнава в течение всей предыдущей жизни.

Вскоре по принятии отцом Варнавой великой схимы состоялось общее собрание братии Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры. На нем иеросхимонах Серафим (Муравьев) был избран духовным руководителем и членом Духовного Собора Лавры. Прозвучали теплые напутственные слова, и смиренный инок приступил к несению своего нового послушания.

...В конце 1927 года архиепископ Алексей (Симанский), управлявший тогда Новгородской епархией, приехал к духовнику Александро-Невской Лавры за советом и молитвой. Он находился в смятении, так как очень опасался очередного ареста и гонений за свое дворянское происхождение. «Отец Серафим, не лучше ли мне уехать за границу?» – спросил архиерей. «Владыко! А на кого вы Русскую Православную Церковь оставите? Ведь вам ее пасти! – последовал ответ старца. – Не бойтесь, Сама Матерь Божия защитит вас. Будет много тяжких искушений, но все, с Божией помощью, управится. Оставайтесь, прошу вас...» Владыка Алексей тотчас же успокоился и навсегда оставил мысли об отъезде за границу.

Так отец Серафим предсказал владыке Алексию его будущее служение за 18 лет до избрания на патриаршество. Указал лаврский схимник будущему Патриарху и срок его первосвятительского служения – 25 лет. Таким же образом неоднократно подавал он неоценимые советы и другим своим духовным чадам.

Часто люди, у которых по советам подвижника устраивалась жизнь, приходили с искренними слезами благодарить его, на что смиренный схимник кротко отвечал: «Что я? Преподобного

Серафима благодарите – это по его молитвам нисходит к немощам нашим Небесный Врач...», «Это Всеблагая Царица Небесная из беды вас вызволила – по вере вашей да будет вам...»

В смутное время в келии отца Серафима сходились пути многих людей, ревновавших об истине. Смиренному схимнику было свыше открыто то, чего не мог постичь обычный человеческий ум. «Ныне пришло время покаяния и исповедничества, – укреплял всех отец Серафим, – Самим Господом определено русскому народу наказание за грехи, и пока Сам Господь не помилует Россию, бессмысленно идти против Его святой воли. Мрачная ночь надолго покроет землю Русскую, много нас ждет впереди страданий и горестей. Поэтому Господь и научает нас: терпением вашим спасайте души ваши (Лк. 21, 19). Нам же остается только уповать на Бога и умолять Его о прощении. Будем помнить, что Бог есть любовь (1 Ин. 4, 16), и надеяться на Его неизреченное милосердие...» Многим в ту пору советовал батюшка обращаться к молитве Иисусовой: «Непрестанная молитва покаяния есть лучшее средство единения духа человеческого с Духом Божиим. В то же время она есть меч духовный, истребляющий всякий грех». Старец предвидел усиление открытых гонений, когда вся Россия превратится в единый концентрационный лагерь, и умная Иисусова молитва, которой нельзя забывать его духовным чадам, станет добрым средством спасения христианской души, оказавшейся условиях безбожного государства.

Сразу после выхода известного послания Митрополита Сергия и Священного Синода отец Серафим твердо принял сторону Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Несомненно, что человек, который еще в 1927 году предсказал патриаршество архиепископу Алексию (Симанскому), знал о дальнейшем пути многострадальной Русской Церкви. Всех вопрошавших он всегда уверял в необходимости поминать имя Митрополита Сергия и существующие власти. «Так надо!» – убежденно говорил он, и ненужными становились никакие иные, более подробные объяснения...

На поприще духовника Александрo-Невской Лавры иеросхимонах

Серафим (Муравьев) пребывал почти три года. Во время ежедневных многочасовых исповедей батюшке приходилось подолгу стоять на холодном каменном полу Свято-Троицкого собора. Главный храм Лавры в ту тяжелую пору за недостатком дров почти не отапливался, и на стенах часто выступал иней.

Постоянное переохлаждение, невероятные физические и душевные перегрузки (сколько чужого горя принимал на себя старец!) постепенно дали о себе знать, и здоровье отца Серафима резко ухудшилось. Врачи признали одновременно межреберную невралгию, ревматизм и закупорку вен нижних конечностей. Боли в ногах усилились и стали невыносимыми. Долгое время отец Серафим никому не говорил о болезни и мужественно продолжал служить и исповедовать. Лицо же старца было всегда озарено такой светлой радостью, что никто из братии подумать не мог, что батюшка в то же время терпит настоящую муку. Порою лишь голос его становился едва слышным. Настал день, когда отец Серафим просто не смог подняться с постели.

Новое испытание – болезнь – принял батюшка с удивительным спокойствием и благодушным терпением, словно очередное послушание от Бога. Не было в нем ни малодушия, ни недовольства. Непрестанно воссылая благодарения Господу, батюшка говорил сочувствующим: «Я, грешный, еще не этого достоин! Есть люди, которые и не такие болезни терпят!» Время шло, но, несмотря на усилия врачей, здоровье старца продолжало ухудшаться. Ему шел тогда 64-й год. Появились застойные явления в легких и сердечная недостаточность. Медики настоятельно советовали выехать из города в зеленую зону. В качестве климатического курорта была рекомендована Вырица.

Митрополит Серафим (Чичагов), который профессионально владел медицинскими знаниями, ознакомился с заключением медицинской комиссии и немедленно благословил переезд. Смиренному духовнику Лавры оставалось только принять это за послушание. К лету 1930 года отец Серафим покинул город святого апостола Петра. Вместе с ним по благословению владыки в Вырицу отправились схимонахиня Серафима (в миру – Ольга Ивановна

Муравьева) и их двенадцатилетняя внучка Маргарита – юная послушница Воскресенского Новодевичьего монастыря. Они и прежде часто приезжали в Лавру, навещая отца Серафима. Теперь уход за ним и забота о его здоровье стали главным их послушанием.

А вскоре по Петроградской епархии, как и по всей стране, прокатилась волна еще более жестоких репрессий. Воистину гефсиманской стала для монашествующих ночь на 18 февраля 1932 года. В народе ее так и называли – святой ночью. В те страшные часы гонители арестовали более пятисот иноков.

Со словами «Да будет воля Твоя!» вступали на путь страданий бесчисленные сонмы верующих. К ноябрю 1933 года число действующих храмов в Петербурге сократилось с 495 до 61. Монастыри и подворья были полностью разгромлены и разграблены. Даже колокольный звон к тому времени был запрещен.

И вот в то время, когда с куполов сбрасывали кресты, тысячами разоряли обители и храмы, когда в лагерях и тюрьмах томились десятки тысяч священнослужителей, Господь воздвиг в Вырице храм нерукотворный, живой – чистое сердце отца Серафима. В истории Церкви не раз случалось, что во времена самых жестоких гонений и упадка веры Господь посылал в помощь людям Своих особых избранников – хранителей чистоты Православия. Таким избранником в России 30-40-х годов стал святой преподобный Серафим Вырицкий.

После переезда в Вырицу к врачам он уже не обращался, говоря: «Буди на все воля Божия. Болезнь – это школа смирения, где воистину познаешь немощь свою...»

Поначалу вырицкого подвижника посещали только епископ Петергофский Николай (Ярушевич) и другие, самые близкие духовные чада, но вскоре к блаженному старцу вновь устремился нескончаемый людской поток. Ехали к нему богомольцы из северной столицы и других городов, стекались жители Вырицы и окрестных селений. В иные дни это были сотни (!) посетителей,

которые с раннего утра и до глубокой ночи «осаждали» келию старца. Часто приезжали целыми группами или семьями.

Обеспокоенные родные пытались оградить батюшку от излишних встреч, опасаясь за его и без того слабое здоровье, но в ответ подвижник твердо сказал: «Теперь я всегда буду нездоров... Пока моя рука поднимается для благословения, буду принимать людей!»

Для множества страждущих отец Серафим был благодетелем, который не только помогал духовно, но и практическими советами, устройством на работу, а также и деньгами через добрых людей. Благодарно принимая пожертвования от посетителей, старец зачастую сразу же раздавал их тем, кто терпел нужду.

До последних дней своей земной жизни батюшка Серафим поддерживал, как мог, любимое детище святого праведного Иоанна Кронштадтского – Пюхтицкий Успенский женский монастырь в Эстонии. Вырицкого старца знали и любили насельницы обители, многие из которых именно по его благословию приняли монашество.

Подвиги поста, бдения и молитвы, которые в течение двух десятилетий смиренно нес вырицкий старец, можно сравнить лишь с подвигами древних аскетов-отшельников. Отец Серафим был необыкновенно строг к себе от первых шагов в подвижничестве до самой кончины. Никаких послаблений: пост, бдение и молитва, и еще раз – пост, бдение и молитва...

В понедельник, среду и пятницу старец вообще не принимал никакой пищи, а иногда ничего не вкушал и по несколько дней подряд. Окружающим порой казалось, что отец Серафим обрекает себя на голодную смерть. То, что он ел в те дни, когда принимал пищу, едой можно было назвать с большим трудом: в некоторые дни батюшка вкушал часть просфоры и запивал ее святой водой, в иные – не съедал и одной картофелины, а иногда ел немного тертой моркови. Крайне редко пил чай с очень малым количеством хлеба. Пища на самом деле была для подвижника как

бы лекарством. При этом в своих непрестанных трудах на пользу ближних он проявлял завидную бодрость и неутомимость. Об отце Серафиме можно было сказать: «Он питается Святым Духом». И благодать Божия несомненно подкрепляла великого постника.

Священники вырицкой Казанской церкви еженедельно причащали батюшку Святых Христовых Тайн. Помимо этого, в келии старца всегда хранились запасные Святые Дары и было все потребное для причащения. Ощущая в том необходимость, он приобщался Тела и Крови Христовых самостоятельно. «Я же подкрепляюсь Святыми Дарами, а что может быть дороже Пречистых и Животворящих Тайн Христовых!» – говорил батюшка родным.

Подражая своему небесному учителю, вырицкий старец принял на себя новый подвиг. После переезда в дом на Пильном проспекте он молился в саду на камне перед иконой Саровского чудотворца. Это бывало в те дни, когда несколько улучшалось здоровье старца. Первые свидетельства о молитве святого Серафима Вырицкого на камне относятся к 1935 году, когда гонители обрушили на Церковь новые страшные удары.

Сама жизнь старца была молитвою за весь мир, но она не удаляла его и от частного служения людям. Чем грешнее был человек, который приходил к отцу Серафиму, тем больше батюшка жалел его и слезно за него молился.

Еще по Александро-Невской лавре отец Серафим был знаком со многими известными в то время людьми: учеными, врачами, деятелями культуры. Академик И. П. Павлов, отец современной физиологии, часто приходил на исповеди и беседы к иеросхимонаху Серафиму (Муравьеву). В течение многих лет Иван Петрович был почетным старостой двух петроградских храмов: Знаменской церкви на Лиговском проспекте и церкви Апостолов Петра и Павла в поселке Колтуши.

Иеросхимонаха Серафима почитали выдающийся астроном своего времени, один из основателей Русского астрономического общества академик Сергей Павлович Глазенап, а также один из

создателей современной фармакологической школы профессор Михаил Иванович Граменицкий.

Одним из любимейших воспитанников отца Серафима был известный во всей России профессор-гомеопат Сергей Серапионович Фаворский, которого называли «светилом Петербурга».

Частыми гостями в Вырице были выдающиеся русские ученые, академики с мировыми именами – физик Владимир Александрович Фок, известный своими трудами в области квантовой механики и теории относительности, и биолог Леон Абгарович Орбели, ученик и последователь Ивана Петровича Павлова.

С началом Великой Отечественной старец усилил подвиг моления на камне – стал совершать его ежедневно. И достигали Престола Божия молитвы незабвенного старца – Любовь отзывалась на любовь! Сколько душ человеческих спасли те молитвы, известно только Господу. Несомненно было одно, что они незримой нитью соединяли землю с небом и преклоняли Бога на милость, тайным образом изменяя ход многих важнейших событий.

Известно, что в самой Вырице, как и было предсказано старцем, не пострадал ни один жилой дом и не погиб ни один человек. Молился батюшка и о спасении вырицкого храма, и здесь уместно описать удивительный случай, о котором знают многие старожилы Вырицы.

...В первых числах сентября 1941 года немцы наступали на станцию Вырица и вели ее интенсивный обстрел. Кто-то из командиров нашей армии решил, что в качестве объекта наводки используется высокий купол храма, и приказал взорвать церковь. Для этого со станции была послана команда подрывников, в которую вошли лейтенант и несколько бойцов. Когда подвода со смертоносным грузом прибыла к храму, лейтенант приказал бойцам подождать его у ворот, видимо, сославшись на то, что должен ознакомиться с объектом подрыва. Офицер вошел в ограду, а затем и в храм, который в общей суматохе не был заперт...

Через некоторое время солдаты услышали звук одиночного

револьверного выстрела и бросились к храму. Лейтенант лежал бездыханным, рядом валялся его револьвер. Бойцов охватила паника и, не выполнив приказа, они бежали из храма. Тем временем началось отступление и о взрыве забыли. Так вырицкая церковь в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы Промыслом Божиим была сохранена от уничтожения...

И еще чудо: немцы заняв Вырицу, расквартировали в ней часть, состоящую из... православных. Известно, что Румыния была союзницей Германии, но о том, что вырицкая команда будет состоять из румын, уроженцев восточной ее части, где исповедуется Православие, да еще говорящих по-русски, вряд ли кто мог предположить. Осенью 1941 года по многочисленным просьбам жителей Вырицы храм был открыт, в нем начались регулярные богослужения.

Истосковавшиеся по церковной жизни люди заполнили храм (он был закрыт богоборцами в 1938 году, но, слава Богу, не разорен). Поначалу прихожане косились на солдат в немецкой форме, но видя, как последние молятся и соблюдают чин службы, постепенно привыкли. Невозможное людям возможно Богу – это был единственный православный храм, который действовал во фронтовой полосе, причем по ту сторону фронта!

С первых дней войны отец Серафим открыто говорил о предстоящей победе русского оружия.

Весной 1944 года, вскоре после полного снятия блокады, митрополит Алексей (Симанский) посетил Вырицу. Причем отец Серафим, прозревая предстоящий визит владыки, заранее предупредил о нем удивленных домашних. Это было прощание митрополита Алексея с великим подвижником. Увидеться в земной жизни им уже не пришлось, однако до конца дней своих они глубоко почитали друг друга и горячо молились один за другого.

В день памяти благоверных князей Российских, страстотерпцев Бориса и Глеба, 15 мая 1944 года почил о Господе Патриарх Сергей. 2 февраля 1945 года на Поместном Соборе Русской

Православной Церкви митрополит Алексей (Симанский) единогласно был избран Патриархом Московским и всея Руси. В течение 25 лет, как и предсказывал старец иеросхимонах Серафим Вырицкий, предстояло ему совершать служение Первосвятителя Русской Православной Церкви.

Война поломала несметное количество судеб, и многие спешили в Вырицу со всех концов России в надежде узнать о судьбе своих ближних от отца Серафима, Кто-то узнал о пропавших без вести, другие по молитвам старца устроились на работу, третьи обрели прописку и кров, но главное – веру.

В 1945 году Господь призвал от земных трудов схимонахиню Серафиму (в миру Ольгу Ивановну Муравьеву, супругу батюшки). Почти шесть десятилетий она была для отца Серафима преданной спутницей жизни, и ее кончину подвижник пережил с ощущением, что разлука недолга и скоро им предстоит встретиться в вечной жизни.

Летом 1945 года настоятелем вырицкого Казанского храма был назначен протоиерей Алексей Кибардин – замечательный пастырь и исповедник. В годы Первой мировой войны он служил приписным священником при Феодоровском Государевом соборе, а с 1924 года был его настоятелем. Затем последовали десятилетия лагерей и ссылок, пройдя через которые, отец Алексей сумел сохранить светлую веру и любовь к ближним. Первые же месяцы пребывания нового настоятеля в Вырице связали его с отцом Серафимом самыми крепкими узами. Вырицкий старец стал духовником отца Алексея Кибардина, а тот – духовником отца Серафима.

В последние годы отец Серафим был совершенно прикован к постели. В некоторые дни состояние здоровья батюшки ухудшалось настолько, что он даже не мог отвечать на записки, которые передавали через келейницу. Но как только наступало хотя бы небольшое облегчение, батюшка сразу начинал прием страждущих.

Время земного странствия подвижника подходило к концу. Старцу был открыт час его перехода к вечности. За день до этого он

благословил родных и близких иконками преподобного Серафима Саровского, а келейнице матушке Серафиме сказал: «Во время моего погребения береги ребрышки...» (Это предостережение оказалось пророческим: в день погребения праведника, при большом стечении народа, матушка Серафима из-за сильной давки получила перелом двух ребер.)

Ранним утром преподобному Серафиму в ослепительном сиянии явилась Пресвятая Богородица и жестом правой руки указала на небо. Сообщив об этом родным, подвижник объявил: «Сегодня принять никого не смогу, будем молиться», – и благословил послать за отцом Алексием Кибардиным. С благоговением были прочитаны акафисты Пресвятой Богородице, святителю Николаю Чудотворцу и преподобному Серафиму Саровскому. После того как отец Алексей причастил старца Святых Христовых Тайн, отец Серафим благословил читать Псалтирь и Евангелие. Ближе к вечеру батюшка попросил посадить его в кресло и стал молиться. При этом он иногда справлялся о времени. Около двух часов ночи отец Серафим благословил читать молитву на исход души и, осенив себя крестным знамением, со словами «Спаси, Господи, и помилуй весь мир» отошел к вечным обителям. Облачение и гроб прислал в Вырицу митрополит Григорий (Чуков). Три дня шел ко гробу праведника нескончаемый людской поток. Все отмечали, что его руки были удивительно мягкими и, теплыми, словно у живого. Некоторые ощущали возле гроба благоухание. В первый день после блаженной кончины старца исцелилась слепая девочка. Мать подвела ее ко гробу и сказала: «Поцелуй дедушке руку». Вскоре после этого девочка прозрела. Этот случай хорошо известен вырицким старожилам.

Отпевание отца Серафима отличалось редкой торжественностью. Пели три хора: вырицких Казанской и Петропавловской церковью и хор духовных академии и семинарии, где по благословению митрополита Григория в день погребения вырицкого подвижника были отменены занятия. Одним из четырех воспитанников духовных школ, удостоившихся стоять у гроба великого старца, был будущий Святейший Патриарх Алексей II. «Мы не прощались с

батюшкой, а провожали его в жизнь вечную», – вспоминают многие.

При погребении отца Серафима Вырицкого впереди гроба несли образ преподобного Серафима Саровского с частицей мощей святого угодника Божия, как и предсказал вырицкий подвижник еще в довоенные годы.

Святой преподобный Серафим Вырицкий отошел к вечности 3 апреля 1949 года, в день празднования воскрешения праведного Лазаря.

Житие по книге: Филимонов В. П. Житие преподобного Серафима Вырицкого. СПб.: «Сатисъ», 2000. С. 4-71.

Источник: <http://www.pravoslavie.ru/>